

DOI 10.35775/PSI.2026.78.1.010

УДК 32.327

А.А. РЫКУНОВ

магистрант кафедры
политологии и этнополитики РАНХ и ГС
при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Д.К. ГРИГОРЯН

кандидат политических наук,
профессор кафедры политологии и этнополитики
РАНХ и ГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

Е.Н. КОНДРАТЕНКО

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
РАНХ и ГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

С.В. СЕРЕБРЯННИКОВ

преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России,
Россия, г. Ростов-на-Дону

РОССИЯ И ИРАН: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ИЛИ ТАКТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

В статье анализируются отношения России и Ирана в условиях трансформации современной международной системы. Рассматривается динамичный характер двустороннего взаимодействия, в котором периоды активного сотрудничества сменяются фазами дистанцирования. Особое внимание уделяется формированию логистических коридоров между странами, на примере МТК «Север-Юг», а также анализируется роль ШОС и БРИКС+ как альтернативных площадок для создания устойчивых механизмов сотрудничества.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, стратегическое партнерство, БРИКС+, ШОС, санкционное давление, внешняя политика России.

Ближний Восток остается регионом пересечения стратегических интересов ключевых глобальных игроков, включая Россию. Для нашего государства регион важен как с точки зрения безопасности южных границ, так и в качестве пространства для формирования новых экономических и политических альянсов. При этом исторические попытки внешних сил – от СССР до современных США – навязать региону чуждые политические модели неизменно терпели провал.

Устойчивость региона к внешнему влиянию объясняется прочностью его культурно-цивилизационного кода. Сформировавшиеся здесь ценностные уста-

новки выступают основой политической идентичности и определяют внешне-политический курс государств, что делает бессмысленными попытки навязать чужие идеологические воззрения.

В связи с вышесказанным наиболее актуальными для региона имеют двусторонние отношения между Россией и Исламской Республикой Иран, основанные признание цивилизационного суверенитета и культурных особенностей в условиях политико-экономического давления стран Запада и кризиса либерального миропорядка. Развитие сотрудничества стран происходит на фоне общей конфронтации с западными странами, условиях жесткой санкционной политики и необходимости поиска новых партнеров в различных сферах: военно-технической, энергетической, атомной энергетике, экономического сотрудничества, МТК (Международный транспортный коридор).

Историческая ретроспектива позволяет выделить динамичный и циклический характер взаимоотношений между странами: в истории существовали моменты как наибольшего сотрудничества и партнерства, так и похолодания внешнеполитических связей и явной конфронтации между странами, что является еще одним аргументом в подтверждении мысли об определенном синтезе интересов общих, а также наличии непримиримых противоречий. Это в конечном итоге и сказывается на амбивалентном характере отношений.

Переломным моментом в истории русско-иранском сотрудничестве стала Иранская революция 1979 года, положившая начало новому государству – Исламской Республике Иран – теократического государства, кардинально изменившего региональное устройство на Ближнем Востоке, а главное вектор развития самого государства. Конфликт, основанный прежде всего на религиозной и идеологической почве, обеспокоил СССР в связи с возможной угрозой распространения исламского радикализма, в том числе в Средней Азии и на Кавказе. Как следствие, на протяжении 1980-х гг. оставаясь напряженными, отношения между государствами вышли на новый уровень только ближе к концу десятилетия, после заключения Долгосрочного соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве в 1989 году.

Распад Советского Союза изменил геополитическую ситуацию в мире, но при этом позволил развить взаимоотношения между Россией и другими странами, например, с Ираном, в сферах военных технологий, торговли и инфраструктуры, энергетики. В целом на протяжении 1990-х гг. сотрудничество между странами приобрело активный характер, однако в дальнейшем затруднялось в связи с давлением со стороны США, в том числе, благодаря протоколу «Гора-Черномырдина», обязавшего к 2000 году Россию остановить военно-технологическое сотрудничество с Ираном.

Подписанный в 2001 году договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Ираном позволил углубить международные связи стран, в частности в сфере безопасности, обороны и региональной стабильности, в том числе в области противодействия терроризму и экстремизму. Было бы опрометчиво полагать, что сотрудничество двух стран, представителей разных цивилизаций и культурных идентичностей, основывается лишь на оборонно-экономическом секторе: после

прихода к власти в ИРИ в 1997 году Мохаммада Хатами в целом вектор иранской публичной дипломатии сменился, став похожим на видении «мягкой силы» у Дж. Ная. Новый лидер объявил поворот на цивилизационный контекст развития международных отношений и, назвав новый этап мировой дипломатии «Диалогом цивилизаций», решил укреплять сотрудничество со странами на основе культурно-исторической сферы, что позволило странам учитывать социокультурный фактор при взаимодействиях и способствовало углублению взаимопонимания.

С избранием нового Президента Российской Федерации В. В. Путина в 2000 г. в стране наметился новый этап развития, в том числе и во внешнеполитической сфере. Сотрудничество новыми странами, диалог с которыми ранее был невозможен из-за идеологических факторов, было закреплено в Концепции внешней политики РФ, одним из пунктов которой звучал следующим образом: «Важно и далее развивать отношения с Ираном» [5]. Данный пункт имеет особое значение, поскольку стратегия открыто определила Иран как одного из стратегически важных партнеров во внешней политике страны.

Желание западных стран о поддержке санкционного давления Исламской Республики Иран Россией не оправдались. В интервью заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков прямо заявил позицию России по поводу санкционного давления Ирана: «Говоря серьезно, можно представить себе, наверное, такой объем санкций, который приведет к слову нынешнего режима в Тегеране», «альтернатива состоит в ведении серьезного переговорного процесса с иранской стороной, серьезного в смысле серьезности настроя тех, кто ведет этот диалог, на поиск компромиссов и на предложение такой схемы решения, которая могла бы заинтересовать иранскую сторону» [7].

Таким образом, началась новая фаза межгосударственных отношений России и Ирана, характеризующаяся активным сопротивлением санкционному давлению, сотрудничеством в военно-технической, энергетической и торгово-экономической сферах, укрепляющих взаимоотношения между странами. В марте 2004 года президент Палаты торговли, промышленности и шахт Ирана, Сейед Али Наги Хамуши, сопровождаемый делегацией, посещая Российскую Федерацию, отметил, что российский экспорт составляет около 80% от общего объема товарооборота, что свидетельствует о доминирующем положении России в торговых отношениях: товарооборот России и Ирана в январе-ноябре 2004 г. составил 1827,2 млн. долларов США, увеличившись почти на 51% по сравнению с тем же периодом 2003 г. [1], что являлось эффективным показателем развернутой взаимопомощи и надгосударственных связей. Однако можно ли это назвать партнерством, ознаменовавшим новый вектор межцивилизационных отношений, или прагматичный расчет в условиях обоюдной изоляции странами Запада?

В том же интервью С.А. Рябков заявил, говоря о сокращающемся сотрудничестве Ирана с МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии): «для России эта ситуация, пожалуй, еще более настораживающая, чем для многих других стран. Мы находимся в непосредственной близости от Ирана, и Иран, обладающий ядерным оружием – это не опция для России» [7], а также результаты

голосования в Совете Безопасности ООН за период 2006-2015 гг., были принято 6 явно санкционных резолюций по ядерной программе Ирана: от запрета поставки в страну технологий до ужесточенного контроля над финансами и судоходством, а также запрета на поставку основных видов вооружений. Это демонстрирует, что приоритетом для Москвы является не поддержка Тегерана любой ценой, а следование собственным стратегическим интересам, в данном случае – сдерживание ядерной программы у своих границ.

В рамках предложенной тематики новой точкой перелома дипломатических отношений и экономического альянса случился в 2015 году, когда был предложен проект «ядерной сделки», сутью которого было назначение контроля специальной организацией МАГАТЭ за Ираном в сфере атомной энергетики, наложение ограничений на пополнение запасов урана, а также наблюдение за ядерными объектами на территории государства, в ответ на снятие определенного количества санкций. Это позволило на время интегрироваться в мировые политические и экономические процессы, однако период стабилизации отношений оказался кратковременным: уже с начала президентства Дональда Трампа отношения США и Ирана вновь стали натянутыми, а государство вышло из «ядерных договоренностей», что знаменовало неминуемый распад обоюдных обязанностей сторонников соглашения.

Рассматривая данные связи в исторической перспективе, необходимо выделить несколько ключевых черт этих взаимоотношений: во-первых, они имеют циклический характер, т.е. связи подразумевают динамику и представляют собой своеобразный маятник, переживая то этапы сближения, то холода, подчеркивая фундаментальные ценностные и культурные противоречия, во-вторых, на качество этих взаимоотношений влияет внешнее давление, оказываемое третьими странами, в-третьих, в основе стоит приоритет прагматических целей над идеологическими и культурными разногласиями.

Из вышеприведенного заключения случается возможным оценить современное состояние партнерства и попытаться определить является ли оно временной необходимостью или стратегическим альянсом для достижения взаимовыгодных целей. Наиболее активно развивается сотрудничество в сфере таможенной политики и строительства МТК – международный транспортный коридор, позволивший в будущем облегчить логистические цепочки между странами и упростить системы различных таможенных процедур, что в значительной мере позволит увеличить товарооборот между странами.

МТК «Север-Юг», протяженностью 7,2 тыс. км, от Санкт-Петербурга – до Индийского порта Мумбаи (Бомбей), – является связующим транспортным звеном между Россией, Ираном, Индией и соседними странами, в количестве 11 государств, и представляет собой альтернативу геоэкономического сотрудничества наиболее классическому морскому пути, через Суэцкий канал. В результате санкционного давления на Российскую Федерацию начиная с 2022 года, возникла острая потребность в развитии и укреплении каналов международного товарооборота при наименьших издержках и с наименьшим вмешательством стран западного блока. По железной дороге в этом направлении ушло 11,59 млн тонн

грузов в 2023 году (+14% за год по сравнению с 2022 годом) [6]. 17 мая 2023 года Россия и Иран подписали соглашение о совместном строительстве маршрута Решт – Астара. Москва выделяет Тегерану на реализацию проекта межгосударственный кредит на сумму 1,3 млрд евро, при этом общая стоимость строительства оценивается в 1,6 млрд евро.

Для России сотрудничество в рамках МТК «Север-Юг» позволяет связываться не только с морскими портами Ирана, но и рынками Пакистана, Индии, Юго-Восточной Азии, являясь одними из перспективных направлений сотрудничества в условиях конфронтации с западными странами. Помимо явных политических преимуществ необходимо выделить краткосрочность доставок, время которых составляет в среднем 25 дней, тогда как классический морской путь занимал приблизительно 40 дней, а стоимость поставок практически снижается почти на треть. Для Исламской Республики Иран (ИРИ) это означает, в первую очередь, продолжение политики выхода из изоляции и налаживание новых политико-экономических связей с другими странами региона, во-вторых, возможность Ирана стать крупнейшим грузовым транзитным центром на пути из Европы в Азию, способным открыть для Ирана морское сотрудничество, а также экономический рост районов, прилегающих к портам государства. В свою очередь в иранских СМИ данный проект уже очертили «золотым маршрутом к экономическому процветанию Ирана».

Параллельно развитию логистических связей между странами происходит укрепление межгосударственных связей в других сферах, например, в сфере атомной энергетики и строительства АЭС «Бушер», когда в 2011 году первый энергоблок был подключен к сети, в дальнейшем государственная корпорация «Росатом» планирует строительство второго и третьего энергоблоков, на данном этапе находящихся в процессе разработки с планируемым завершением в 2026 и 2027 году соответственно. Данный факт доказывает возможность международного сотрудничества в обход международных систем и стандартов, особенно в такой «политизированной» и контролируемой для многих стран теме как атомная энергетика, и формирование собственных финансовых систем и закрытых стандартов.

Возвращаясь к вопросу о временном альянсе или стратегическом долгосрочном партнерстве необходимо отметить, что развитие у Ирана ядерного оружия, как было отмечено многими дипломатами, экспертами и политиками, создаст потенциальные угрозы и вызовы для дальнейшего взаимодействия между странами, подчеркивая реалистичную парадигму развития международных отношений, рассматривающих мировое пространство с позиции собственных национальных интересов и государственной безопасности. Развитие межнациональных отношений в настоящем контексте создает новые вызовы для систем региональной безопасности.

Развитие сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС имеет важное значение, поскольку они представляют собой институты не просто новые, а скорее альтернативные западным союзам, и основополагающие в многополярном мироустройстве, направленные на коллективное решение проблем и взаимовыгодное

сотрудничество между странами-участницами. «Помимо двустороннего взаимодействия с Россией, Иран рассматривает региональные и международные организации – ЕАЭС, ШОС и БРИКС – в качестве конструктивных площадок для сотрудничества с государствами-участниками [этих объединений], особенно с Россией и Китаем, в целях эффективного противодействия [попыткам] построения однополярного мира» [4], – заявление Масуда Пезешкиана, Президента Ирана, лишь подтверждает мысль о роли данных организаций не только в качестве противовеса классическим, «прозападным» международным институтам, но и инструмента для развития расширенных связей с Российской Федерацией. В рамках ШОС Иран получает возможность регулировать действия других стран-членов в сферах региональной безопасности, противодействия терроризму и разработке коллективных методов борьбы с кризисами. В контексте БРИКС взаимоотношения России и Ирана выходят на новый финансовый уровень, в том числе в рамках Нового банка развития (НБР) БРИКС, а также создание альтернативных платформ для межбанковского взаимодействия, независимых финансовых операций без вмешательства третьих лиц.

Таким образом, ШОС и БРИКС+ выполняют для Москвы и Тегерана тройную функцию: они являются политическим щитом, позволяющим коллективно противостоять западному давлению; экономическим интегратором, предоставляющим инструменты для создания санкционно-устойчивых цепочек сотрудничества; и стратегическим компонентом, усиливающим влияние каждой из стран на глобальные процессы через их единые действия. В условиях, когда западные институты все чаще воспринимаются как инструменты односторонней политики, способность России и Ирана эффективно использовать эти альтернативные площадки становится не просто преимуществом, а необходимым условием для защиты их суверенитета и обеспечения многополярного мироустройства.

Таким образом, российско-иранские отношения являются ярким примером прагматического альянса, основанного на собственных национальных интересах и государственных приоритетах. Следовательно, фундаментом этого сотрудничества является не ценностная или идеологическая общность, а практический расчет и тактическая целесообразность в условиях санкционного давления со стороны Запада. Именно противостояние с западными коалициями является основным катализатором сближения разных по цивилизационно-религиозному фактору стран.

Перспективы этого сотрудничества на сегодняшний день остаются весьма двойственными: с одной стороны, оно является естественным и объективно необходимым в условиях санкций и политики противостояния, с другой стороны, непримиримые культурные, ценностные и идеологические различия оставляют между странами непреодолимую пропасть для развития стратегических и долгосрочных отношений. А основным ограничителем в развитии отношений остается ядерная программа Ирана, создающая для России прямые вызовы безопасности. Подводя итог вышесказанному, данный альянс носит строго прагматичный характер, который можно именовать как «тактическое партнерство под давлением», где каждая сторона продолжает отстаивать свои интересы в условиях конфронтации с другими государствами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Встреча с послом Исламской Республики Иран // Федеральная таможенная служба. 2005. 9 февр. // <https://customs.gov.ru/press/fts-news/10400>.
2. **Гаврилова О.В.** Санкционное давление на Исламскую Республику Иран: этапы развития и пути преодоления / Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 5 апр. 2024 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024.
3. **Григорян Д.К.** Правящая элита зарубежных стран и ее роль в геополитических процессах современности / Д.К. Григорян, А.А. Крицкая, Д.А. Арапетян, И.Г. Веренич // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 1.
4. Иран считает ЕАЭС, ШОС и БРИКС отличными форматами для расширения связей с РФ // [Russia-islworld.ru](https://russia-islworld.ru/novosti/iran-scitaet-eaes-sos-i-briks-otlicnymi-formatami-dla-rassirenia-svazej-s-rf-2025-08-25-51193/). 2025. 25 августа // <https://russia-islworld.ru/novosti/iran-scitaet-eaes-sos-i-briks-otlicnymi-formatami-dla-rassirenia-svazej-s-rf-2025-08-25-51193/>.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г. № Пр-1380 // СПС «КонсультантПлюс» // <https://docs.cntd.ru/document/901764263>.
6. Объем перевозок морским транспортом по МТК «Север-Юг» в 2023 году вырос на 55% // [PortNews](https://portnews.ru/news/359491/). 2024. 25 янв. // <https://portnews.ru/news/359491/>.
7. **Рябков С.А.** Санкции против Ирана: ресурс исчерпан // Министерство иностранных дел Российской Федерации // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1667243/.
8. **Скуридин А.А.** Перспективы развития ОДКБ: вызовы и возможности в контексте поддержания мира в постсоветских регионах / А.А. Скуридин, А.Б. Малавина, А.В. Шевченко, Д.К. Григорян // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14. № 1 (66).
9. **Шкода А.А.** Российско-иранские международные отношения на современном этапе: перспективы и риски: бакалаврская работа: 41.03.05 – Международные отношения / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т, каф. междунар. права; науч. рук. В.А. Мещериков. Красноярск, 2024.
10. **Юртаев В.И.** Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4.

A.A. RYKUNOV

Master's student, Department
of Political Science and Ethnopolitics,
RANEPA under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia

D.K. GRIGORYAN

Candidate of Political Sciences,
Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics,
RANEPA under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia

E.N. KONDRATENKO

Candidate of Political Sciences,
Professor of the Department of Political Science and
Ethnopolitics of the The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia

S.V. SEREBRYANNIKOV

Lecturer at the Department of Criminal
Procedure of the Federal State Educational Institution
of Higher Education Russian Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

RUSSIA AND IRAN: STRATEGIC PARTNERSHIP OR TACTICAL ALLIANCE

The article analyzes the relations between Russia and Iran in the context of the transformation of the modern international system. It examines the dynamic nature of bilateral cooperation, where periods of active collaboration are followed by phases of distancing. Special attention is given to the formation of logistics corridors between the countries, using the North-South International Transport Corridor as an example, and the role of the SCO and BRICS+ as alternative platforms for creating sustainable cooperation mechanisms.

Key words: Russian-Iranian relations, strategic partnership, BRICS+, SCO, sanctions pressure, and Russia's foreign policy.